

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-260-280

**ЛИТЕРАТУРА КАК «ФОРМА РАБОТЫ
НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ» И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОГО ТВОРЧЕСТВА****И.А. КАЖАРОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр 'Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук'»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Аннотация. В статье на материале раннесоветской кабардинской поэзии рассматриваются аспекты исследовательской интерпретации идеологизированного творчества. К анализу привлечен сборник стихов и песен «Первый шаг». Основное внимание уделено специфике идеалов, сопряженных с насаждаемой системой ценностей, и проблеме определения аксиологических оснований интерпретации политически ангажированных произведений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью конкретизации истории первых десятилетий адыгской советской литературы, а также тем, что знаковый для обозначенного периода поэтический сборник до настоящего времени не выступал объектом интерпретации современного литературоведения. Аксиологический аспект изучения данного сборника раскрывается в соотношении изображенных в нем событий с их культурно-историческим контекстом. В избранном исследовательском ракурсе очевидные несовершенства сборника, особенно касающиеся формальной стороны вошедших в него произведений, преобразуются в одну из составляющих его ценностного содержания, прочитываются как способ восприятия авторами знаковых явлений современной им действительности. Кроме того, исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что в контексте преобразований рассмотренного периода драматически сосуществуют две разные реальности, которые принято одинаково обозначать словом «идеал». В одной из них идеал – это результат сложного пути, пролегающего через уровни ценностной системы, в другой – некий заданный шаблон, не отягощенный предшествовавшей ему «ценностной историей», но, тем не менее, обязанный принять на себя все функции идеала.

Ключевые слова: идеологизированное творчество; интерпретация; ценностный аспект; раннесоветский период; адыгская литература; поэзия.

LITERATURE AS «A FORM OF WORK ON THE IDEOLOGICAL FRONT» AND VALUE BASES FOR THE INTERPRETATION OF IDEOLOGIZED CREATIVITY

I.A. KAZHAROVA

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center ‘Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences’»*

360000, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: barsello@rambler.ru

Abstract. The article examines aspects of the research interpretation of ideologized creativity based on early Soviet Kabardian poetry. The collection of poems and songs "The First Step" is involved in the analysis. The main attention is paid to the specificity of the ideals associated with the implanted system of values, and the problem of determining the axiological foundations for the interpretation of politically engaged works. The relevance of the study is due to the need to concretize the history of the first decades of the Adyghe Soviet literature, as well as the fact that the collection of poetry, significant for the indicated period, has not yet been the object of interpretation of modern literary criticism. The axiological aspect of the study of this collection is revealed in the correlation of the events depicted in it with their cultural and historical context. In the chosen research perspective, the obvious imperfections of the collection, concerning the formal features of the works included in it, are transformed into one of the components of its value content, read as a way of perception by the authors of the significant phenomena of contemporary reality. In addition, the studied material allows us to conclude that in the context of the transformations of the period under consideration, two different realities dramatically coexist, which are commonly denoted by the word “ideal”. In one of them, the ideal is the result of a difficult path that runs through the levels of the value system, in the other, it is a certain predetermined template that is not burdened by the preceding “value history”, but, nevertheless, is obliged to take on all the functions of the ideal.

Keywords: ideologized creativity; interpretation; value aspect; early Soviet period; Adyghe literature; poetry.

Исходные представления

В заглавие нашей работы вынесена формулировка из статьи Джансоха Налоева «От мертвого к живому». В начале 1930-х, осмысливая промежуточные итоги писательских достижений в родной Области, критик напоминал о той миссии, которую исполняет литература в эпоху революционных преобразований: «Литературное дело стало, таким образом, общественным делом. Наконец, литература стала одной из форм нашей работы на идеологическом фронте, и ее польза возросла» [Нало 2005: 114].

Первые десятилетия советской литературы (речь, конечно, об официальной ее ветви) – время расцвета агитационно-пропагандистского творчества. Приблизительно со второй половины 20-х и в начале 30-х годов, на волне отказа от дореволюционных традиций, оно заполняет основное пространство новописьменных литератур. И в этом есть отличие от того, как оно представлено в русской советской литературе, где оно занимает хоть и

почетное, но отнюдь не монопольное положение в многосложной картине писательских поисков. За довольно короткий срок в новописьменных литературах появляются вещи однотипные и в массе своей малохудожественные. Это был «этап активного усвоения традиций русской культуры и формирования эстетических и художественных принципов культуры советской. Усвоения, носящего зачастую не творческий, а механический характер» [Базиева 2010: 82]. Потому шаблонность, предсказуемость идеалов обозначенного этапа с годами делается лишь заметней.

Понятно, что политически ангажированная литература имеет мало шансов на долгую жизнь в искусстве и на устойчивый к ней интерес. Так возникает риск оставить без должного внимания отдельный фрагмент культурной истории. Однако стремясь миновать подобный риск, мы хотели бы сосредоточиться не на поиске значимых эстетико-семантических элементов творчества, главная цель которого сведена к идеологической пропаганде (хотя и подобная работа не лишена смысла), а понять специфику идеала, сопряженного с насаждаемой системой ценностных представлений. Однако для этого необходимо ясное осознание ценностных оснований исследовательской интерпретации идеологизированного творчества.

Проблема переменчивости ценностных ориентиров исследовательского дискурса в отечественном литературоведении четко обозначена В.Е. Хализевым. Так, он обращает внимание на манеру интерпретации русской классики в литературоведении доперестроечных и постперестроечных лет. В первом случае, говорит он, создавался миф о сугубо обличительном пафосе русской литературы, «в персонажной сфере поднимались на щит бунтари и революционеры («новые люди»), порой рассматривавшиеся как единственное позитивное начало русской жизни. И такой классике, обедненной и искаженной, воздавались высочайшие хвалы» [Хализев 2005: 4], в этом свете получали тенденциозную оценку Л. Толстой, Н. Гоголь, М. Салтыков-Щедрин. Однако спустя десятилетия «то, что прежде обозначалось как революционная настроенность писателей ... предстало как утопический максимализм, далеко не безопасный. Отечественная классика стала вызывать недоверие, чтобы не сказать сильнее» [Хализев 2005: 5]. Наблюдая эти тенденции, ученый приходит к выводу, что необходимо выявлять в исследовательском дискурсе истоки жестких догм, которые впоследствии вызвали отторжение, и вводить в научный оборот суждения мыслителей, «которые в советские времена не согласовывались с официально насаждавшейся методологией и ей противостояли» [Хализев 2005: 13].

Обращаясь к исследовательской рецепции новописьменных литератур, в конкретном случае – кабардинской, мы понимаем, что возлагать надежды на альтернативные трактовки, современные рассматриваемому периоду, особо не приходится. Да и официальная линия осмысления кабардинской литературы, наметившаяся в статьях Джансоха Налоева, жизнь которого трагически оборвалась в 1937, своевременно подхвачена и развита не была, а в тех оборотах, что начинает наращивать кабардинское литературоведение

приблизительно с середины 1950-х, явственно усечение картины 20-30-х и, как результат этого – перестановка ценностных акцентов. Конечно, тому были свои причины, и мы постараемся их коснуться, но главное, что, принимая необходимость аналитического понимания «истоков жестких догм» (В. Хализев), нам не приходится рассчитывать на существование неофициальных точек зрения на нашу литературу. В таком случае, для более ясного видения литературного материала нам остается сопоставлять запечатленное в нем (в конкретном случае – образы и идеалы нового строя) с его культурно-историческим контекстом. Именно с таких позиций мы постараемся взглянуть на одно из событий адыгской литературы периода расцвета политически ангажированного творчества – стихотворный сборник «Первый шаг».

Ценностные основания исследовательской интерпретации в нашем случае опосредованы возможностью акцентировать пока еще не раскрытые нюансы развития кабардинской литературы раннесоветского периода. И речь не только о наличии «белых пятен» в ее истории. Раннесоветский период (1917–1936 гг.) состоит из существенно разных по культурному и политическому содержанию отрезков. Разумеется, разность эта, дополненная собственными оттенками, претворяется в культурной истории национальных областей. Тем не менее, с точки зрения трансформации ценностных представлений раннесоветская литература адыгов пока не рассмотрена. Бегло обозревая эти «отрезки», можно заметить, что в области культуры первые годы после Октября относительно либеральны – революционная романтика еще допускает существование писателей не только различных литературных, но и социальных групп. После 1925 года, вслед за постановлением Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», «делается шаг к тому, чтобы заключить разнообразие искусства в железные рамки идеологии» [История... 2010: 294], оговаривается «качественный» состав писательской среды, «...перед партией пролетариата стоит вопрос о том, как ужиться с крестьянством и медленно переработать его; вопрос о том, как допустить известное сотрудничество с буржуазией и медленно вытеснять ее» [Власть... 1999: 54], тогда же под опеку партии попадают национальные литературы: «необходимо обратить усиленное внимание на развитие национальной литературы в многочисленных республиках и областях...» [Власть... 1999: 57]. В 1928–1929 гг. происходит, по выражению А.И. Мазаева, «метаморфоза отечественной культуры в культуру государственно-тоталитарного толка» [Мазаев 2008: 99]. Как следует из текста совещания по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства при ЦК партии (май – июнь 1928 г.), «основные задачи партии в области искусства и литературы могут быть выполнены лишь при условии усиления влияния партии в организациях писателей и художников и при условии усиления марксистской коммунистической критики» [Справочник... 1930: 421]. И, наконец, в апреле 1932 постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» происходит «объединение по приказу», и литература переходит под абсолютный надзор государства.

Нам предстоит поведи разговор об издании, возникшем «благодаря» постановлению 1932 года, при этом надо помнить, что в нем нашлось место и некоторым сочинениям, возникшим немного раньше.

Еще один момент, затрагивающий ценностные основания исследовательской интерпретации. Принимая как данность невысокий в большинстве своем уровень художественности раннесоветской литературы адыгов, мы исходим из того, что она не утрачивает своей информативности как факт культурной истории. В этом плане важный методологический вектор нам указывает мысль зарубежного литературоведа Антуана Компаньона о нетождественности аксиологии литературных произведений и литературы как процесса. «Оценку (сравнение, классификацию, иерархическую расстановку) литературных текстов следует отличать от вопроса о ценности литературы как таковой, – говорит он, и следом заключает: Подавляющее большинство стихов – посредственны, почти все романы впору прочесть и забыть, но тем не менее это все же стихи и романы» [Компаньон 2001: 264–265].

«Первый шаг»: запросы времени и прототипические основания идеалов

Вышедший в 1933 году, накануне Первого съезда советских писателей, он должен был стать символом вступления в новую реальность, политическую и эстетическую. Определение «первый» обладает ярко выраженной знаковостью, обусловленной обстоятельствами появления сборника (в преддверии Первого съезда советских писателей), составом участников, большинство из которых – молодые поэты, а соответственно, и доминирующим в сочинениях уровнем мастерства.

Первый сборник советских поэтов Кабарды появился весной 1933 года, если точнее – в конце апреля. Грани реальности, которые ему надлежало отразить, и ожидания, которые были с ним связаны, в редакторском вступлении определялись так: «Учитывая наши достижения в сельскохозяйственной политике, необходимость преодолеть отставание в развитии новой литературы Кабарды, а также руководствуясь постановлением ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», впервые в Кабарде Союзом писателей, созданным 4 апреля по инициативе Кабардино-Балкарского обкома партии, предпринято издание стихов и песен «Первый шаг» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 1].

О том, что «Первый шаг» есть «как бы творческий ответ на постановление ЦК ВКП(б) и несколько обобщающий уже имеющуюся продукцию» [Нало 2005: 117], говорит и Джансох Налоев. Но если взглянуть более широко на культурно-исторический контекст, в котором появился сборник, проступят весьма значимые смысловые аспекты, на фоне которых складывалась эта поэтическая пропаганда.

Формирование писательской организации Кабардино-Балкарии и выход названного сборника происходит на фоне бедствий 1932–1933 гг., когда «...на огромной территории с населением более 50 млн. человек разразился страшный голод. Он охватил почти всю Украину, Северный Кавказ, южные районы ЦЧО

и Урала, Поволжье, Западную Сибирь и Казахстан, т.е. практически все зерновые районы СССР» [Ивницкий 2009: 191]. О причинах и трагических последствиях этого голода, об ужесточении методов административного воздействия с целью не допустить срывов плана коллективизации, начиная с 1990-х гг. написано немало [Осколков 1991; Кондрашин 2008; Ивницкий 2009]. Документальные свидетельства убеждают в том, что «пик голода 1932–1933 гг. приходился на зиму – весну 1933 г., когда больше всего и погибло людей» [Ивницкий 2009: 213]. Крайне непросто представить сведенными в едином временном промежутке трагедии голодомора и решение культурных задач, среди которых было становление советской литературы национальных областей. Тем не менее, это были реалии одного периода, и противоречивая действительность преломлялась в агитационно-пропагандистском творчестве весьма специфическим образом.

Разумеется, не случайно слова о достижениях в сельскохозяйственной политике открывают введение «Первого шага». Сущностные для этой эпохи вообще, они, если можно так сказать, конкретизировали большую часть советской действительности КБАО. Промышленные предприятия в те годы лишь начинали возводиться и основное население занималось сельским хозяйством, стало быть, жило в реалиях колхозного строительства. Оно и явилось главной темой «Первого шага». Новый мир, действительно, лишь оформлялся, и его требовалось принять единодушно. Относиться к этому единодушию сегодня можно по-разному. Предшествовавший «Первому шагу» короткий отрезок советской истории «разъяснял» вполне конкретно, чего и как следовало желать, во что свято верить, и чем грозили отклонения от заданных идеалов. Поэтому в плане мировоззренческих установок все авторы «Первого шага» едины в готовности принять новую реальность, и приблизительно одинаковый, за редкими исключениями, уровень художественности словно лишний раз подчеркивает эту общность.

Для сборника были отобраны поэтические опыты Мачраила Пшунокова, Талустана Шакова, Магомед Афаунова, Али Шогенцукова, Хамида Карданова, Мухаж Канукоева, Лостанби Афашагова, Амирхана Шомахова. Не все произведения датированы. Однако судить об этом уверенно мы не можем, поскольку в настоящем исследовании ссылаемся не на само издание, а на его рукописную перепечатку. Попутно отметим, что последняя отпечатана кириллицей (оригинал, разумеется, был отпечатан шрифтом на основе латинской графики) и некогда находилась в личной библиотеке Хачима Теунова [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–50]. Само же издание хранится в Российской государственной библиотеке.

Ряд сочинений, представленных в сборнике, датирован 1928–1929 годами, то есть возник на этапе, когда происходил поворот «... ранней советской культуры в сторону ее полного и окончательного огосударствления, придания ей до того отсутствовавшего тоталитарного качества» [Мазаев 2007: 102]. Как характеризует этот период историк М.А. Текуева, «с 1928 года в регионе все чаще стало ощущаться ужесточение в экономической сфере, идеологическая бескомпромиссность. С этого времени, можно сказать, начался

поворот от политики «мирного сосуществования» с традиционными институтами и религиозными организациями – к политике их вытеснения, к жестким мерам по отношению к «пережиткам» [Текуева 2008: 320]. Растет социальная напряженность. «В это время в Кабардино-Балкарии, как и в других регионах страны, развернулось мощное антиколхозное движение, начало которому положили баксанские события 1928 г.» [Кармов 2019: 64]. Аграрные выступления крестьян, как показывают исследователи, имели место в КБАО в 1928, 1930-31 годах, протест вызывали хлебозаготовки, принуждение к неоплачиваемым работам по рытью мелиоративных каналов, закрытие мечетей и медресе, вмешательство коммунистов в воспитание детей, лишение служителей религиозного культа права голоса [Дзуев 2012: 20]. Причем, как пишет С.Н. Бейтуганов о составе повстанцев, «среди них было немало в прошлом активных борцов за действительно советскую – ленинскую власть»¹.

Круг литераторов, разумеется, не мог быть абстрагирован от происходящего. Однако пролетарским художникам надлежало изображать лишь парадную сторону нового строя. Ввиду этого резонно усматривать в их творчестве не только строгий отбор материала, но и идеологический ответ на обстоятельства, что нарушали гармонию социального идеала, определяющего политическую риторику той поры.

Написанное в 1928 г., в день, когда был утвержден Первый пятилетний план развития народного хозяйства страны, стихотворение Т. Шакова «11-й Октябрь» являет типичный пример идеологически избирательного взгляда на современность. Противоречивая, и к этому моменту уже окрасившаяся в трагические тона реальность коллективизации преломляется в поэтических строчках Шакова таким образом, что краткая констатация объединения крестьян в колхозы спешно преобразуется в мотив радостного овладения машинной техникой:

Ди лэжьакІэщІэу колхозым
ЛэжьакІуэр минуэрэ зэгуешэр,
Машинэ льэпкьхэр я куэдщи
ЩапхьэкІэ дахэуэ мэлажьэр.

Лэжьыгьэу яІэр нэзычэу
И чэзукІэ псори ягьуэт,
Тракторхэр кьызэІуагьащІэри

ЛІакьуэщІэр гуфІэу зэхоплэ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 6]. (Здесь и далее орфография оригинальных текстов сохранена. – И.К.).

---

¹ Бейтуганов С.Н. Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–31 годах. Исторический очерк // Информационный портал Фонда черкесской культуры «Адыги» им. Ю.М. Калмыкова: сайт URL: <http://fond-adygi.ru/dmdocuments/Бейтуганов%20С.Н.Восстание%20крестьян%20в%20Кабардино-Балкарии%20в%201928-31%20годах.pdf> (дата обращения: 14.09.2021).

Наш новый способ труда – колхоз,
Тружеников тысячи (он) объединяет,
Машин разных у них много,
Образцово слаженно трудятся (они).

Все, что ускорит их труд,
Вовремя они получают,
На тракторах встречая друг друга,
Молодежь весело приветствиями обменивается.
(Пер. подстр. – И.К.)

Далее внимание переключается на перечисление иных значимых явлений нового строя (ведь поэт воспекает образ одиннадцатого, после революции 1917 года, октября): учебные заведения, двери которых открыты для карахалка, возведение прочных мостов над бурными реками, строительство Акбашской ГЭС, свобода и равноправие женщин. Последнее, согласно этическим нормативам нового социального идеала, сопрягается с мотивом «прозрения» горянки и освобождения ее от религиозного угара:

Ди цыхубзхэри кьыхэдгъэхьащ,
Гуэху зэрахьэу куэди дгъэсащ,
Гъэсэнгъэми кьэтшэлІэфаш,
Нэфу щытами, хуиту плъэжащ.

Я нэгу хуиту жьы щІихужащ,
Молэм япцІхэм кьыщІэхужащ,
Хуитыныгъэм кьигъэушыжхэри
Шэрихьэтыр хаутэжащ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 7].

И наших женщин мы приобщили,
Работам (ответственным) многих обучили,
К воспитательному труду привлечь сумели,
Хоть были (они) слепы, теперь прозрели.

Глядят свободно они (на мир)
От обманов мулл избавленные,
Свобода их пробудила
(И) шариат они растоптали.
(Пер. подстр. – И.К.)

Поступательно развиваемая в раннесоветские годы тема женского равноправия в случае с горянкой дополняется своими аспектами. И ко времени написания приведенных строк эти аспекты особенно обострены. «Как раз на тот же период, – констатирует М.А. Текуева, – пришлась кампания по массовому закрытию мечетей. Насильственно насаждаемый государством

атеизм вызывал открытый протест женщин не только потому, что они были более религиозны в силу отсталости или консервативности сознания, но в первую очередь потому, что религиозная обрядность, переплетаясь и сливаясь с этническими традициями, упорядочивала и наполняла смыслом весь их жизненный путь. <...> Приравнивая женскую несвободу, выражавшуюся в ограничении женской самостоятельности вне дома, в «домашнем заточении» – к социальному бесправию, большевики пытались «разбудить» классовое сознание горянки, научить ее бороться за свое равенство, проявлять общественную активность. На практике же все вышло не так, как задумывалось. Едва возникла опасность (мнимая или действительная) отчуждения женщин от детей, угроза нехватки хлеба для семьи, как женщины решились на открытое сопротивление программам их «раскрепощения». Женские аграрные волнения прокатились волной по Северному Кавказу...» [Текуева 2008: 321–323].

Упомянутая здесь угроза отчуждения женщин от детей, иначе говоря, пропагандируемая коммунистами модель воспитания подрастающего поколения, в литературной «обработке» Т. Шакова (стихотворение «Детский сад», 1928) сохранила отзвук ментального противостояния, связанного с «темой» детских садов:

Мы Гуэхум псалъи кьикIащ
Ди бийхэм кIийуэри жаIащ:
«Фи сабийхэр унэм щIэвгъэс –
Урыс хабзэм ар евмыгъэпI...» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1.
Д. 13. Л. 16].

И был скандал вокруг этого дела
(И) наши враги крикливо заявили:
«Ваших детей оставьте дома –
Не дайте в русских традициях их воспитать...»
(Пер. подстр. – И.К.)

Однако детсады становятся частью новой реальности, ее надо оправдать, и, чтобы прозвучать более убедительно, пропагандистское «мы» внезапно переходит в финале произведения на женскую точку зрения:

Ди бийхэм ящIхэр ткьутащ,
Сабий гъэсапIэхэр дгъуэтащ,
Къабзагъэр сабийхэм яттащ,
Гъэпсэхугъуэ анэми дгъуэтащ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1.
Д. 13. Л. 16].

Наших врагов наветы мы разрушили,
Детские сады мы обрели,
Гигиену детям обеспечили,

И время для отдыха, мы, матери, нашли.
(Пер. подстр. – И.К.)

Обращаясь к произведениям, датированным 1933 годом, мы, конечно, не предполагаем, что принцип избирательного отражения нового строя мог в чем-то ослабиться. Однако, пусть крайне редко и в завуалированном виде, но отголоски трагедийного контекста – весны, мучительной для многих районов страны, о чем мы упоминали выше, – проскальзывают. Нам видится, что именно так следует понимать начальную строфу стихотворения Т. Шакова «Первый день мая!» (датированного началом апреля 1933):

Майм и пэцІэдзэуэ ди махуэ,
Дыгъэри хуабэкІэ нэхъ щыдзэ,
Щымахуэ благъуэм и дзапэ
Дэлыа псэ минхэри къыщыдзэ! [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1.
Д. 13. Л. 5].

Мая первый наш день,
Когда солнце начинает пригревать,
В драконьей пасти зимы
Оказавшиеся тысячи душ освободи!
(Пер. подстр. – И.К.)

Произведение, кстати говоря, вызвало недоумение Д. Налоева тем, что праздник «1 Мая» почему-то предстал как «торжествующая победа весны над суровой заморозью января», а еще – «выхолощенностью главнейшего политического мотива борьбы» [Нало 2005: 119].

Стихотворение А. Шогенцукова «1 Мая» тоже 1933 года (как указывает А.Х. Хакуашев, впервые опубликовано в этом сборнике [ЩоджэнцІыкІу 2006: 527]), то есть, видимо, как и в предыдущем случае, было сложено в преддверии праздника.

Вслед за начальными строфами, подчиненными стандартам изображения нового мира (бесчисленное множество заводов «произносит» поздравления; назло врагам процветают колхозы; полощется на ветру сияющее майское знамя) проскальзывает нечто, похожее на мольбу. Поэт обращается к маю с просьбой о милосердии: «Май махуэ, гуцІэгъухэр / Къэралхэм егъэхъ» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 21] («День мая, милосердие / К странам яви». – Пер. подстр. – И.К. С течением времени эти строки будут преобразованы в знакомые нам «Май махуэ, гуфІэгъуэр / Къэралхэм егъэхъ» [ЩоджэнцІыкІу 2006: 527] («День мая, радость / Странам подари». – Пер. подстр. – И.К.).

Любопытно также взглянуть на продолжающие тему Дня солидарности трудящихся стихотворения «1 Мая» Х. Каданова и «Майский день» Л. Афашагова. Их датировки не указаны. Однако во втором случае трудно не заметить, насколько явно автор отдалается от политической доминанты.

Интересно, что для Л. Афашагова, как и для Т. Шакова, май – это прежде всего освобождение от гнета суровой зимы: наконец-то она, казавшаяся бесконечной, стинула, бледная от злости, надоевшая людям; изгнанные зимней стужей, возвращаются птицы, кружат пчелы, на зеленой травке резвятся ягнята. В таком духе развиваются шесть из восьми строф произведения. Странно, что месяц май Л. Афашагов воспеваает так, словно тот граничит с зимой, словно и не предшествовало ему два других весенних месяца, март и апрель. Может даже показаться, что речь вообще-то не о празднике, а всего лишь о теплом майском дне. Однако две заключительные строфы, где есть отсылка к тяжелой в недавнем прошлом доле трудящихся и призывы к классовой борьбе, свидетельствуют о том, что стихотворение все же посвящено празднику.

В противоположность этому, «1 Мая» Х. Карданова разворачивается строго в политическом ключе. Сначала предыстория Дня международной солидарности трудящихся, потом – картины классовой борьбы, и в завершение – призывы к возведению нового мира, в потоке которых есть также обещание привлечь в колхозы единоличников:

Хамэжь бзаджэуэ ди биижьхэм
Дезэуэныр дгъэзэщІэнщ,
Щхьэзэрызуэ ди лэжьакІуэхэр

Колхоз гьуэгум кьытетшэнщ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 36].

С пройсками иностранных врагов
Мы покончим,
Единоличных наших тружеников
На путь колхозный наставим.
(Пер. подстр. – И.К.)

Отслеживая наиболее разработанные тематические линии сборника, можно заметить, что произведения о «новой женщине» – «Женское стихотворение» Т. Шакова, «Женское стихотворение» М. Афаунова, «Женщины!» Х. Карданова «складываются» в один общий сюжет: узница-горянка, доведенная до полусмерти царизмом, домашним гнетом и шариатом, наконец-то обретает свободу и полноценное, полезное новому строю бытие. Ее эмансипация изображается через перечисление новых социальных ролей, подчеркнуто презрительное отношение к исламу и его служителям, преобразование внешнего облика, из которого убывают значимые детали национального костюма (платок, корсет, нагрудник, пояс).

Не только уровнем художественности, но и мерой отдаленности от смысловых клише, с помощью которых решают «женскую тему» перечисленные произведения, отличаются «Лина-тракторист» (название «Лина-трактористка», как известно, появится позднее), «Несчастья империалистической войны, выпавшие на долю бедной женщины» и «Жизнь Мадины» Али Шогенцукова. Впрочем, два последних произведения (ныне

известные как поэмы «Зимняя ночь» и «Мадина») вовсе и не о новой женщине, скорее о страданиях женщин, каждая из которых оказалась беззащитна перед силой жестоких обстоятельств.

Как пишет А.Х. Хакушев, работу над поэмой «Жизнь Мадины» Шогенцуков начал в 1928, над поэмой «Несчастья империалистической...» – в 1929, первые их публикации относят к рассматриваемому сборнику [Хакушев 2006: 531, 533]. Обе поэмы явно выбиваются из агитационно-пропагандистского контекста «Первого шага». И дело не только в яркости поэтического таланта А. Шогенцукова. Просто лиризм, психологизм – характеристики, для пропагандистского творчества совершенно не типичные. Однако трагическая судьба простой горянки из недалекого прошлого, несомненно, укрупняла одну из сторон оппозиции, без которой на рубеже 1920–30-х в советской литературе Северного Кавказа не обходился образ «новой женщины». В этом отношении примечательно увиденное Ю.М. Тхагазитовым в сюжетной ситуации, легшей в основу поэмы «Несчастья империалистической...» («Зимняя ночь»): «Али Шогенцуков изображает ситуацию, присущую романтической балладе, но невозможную в адыгском обществе даже периода первой мировой войны. Село, живущее по адыгскому этикету, не могло оставить на произвол судьбы вдову воина, павшего на поле битвы. Именно поэтому автор вынужден как бы «изъять» дом вдовы и ее сына из «пространства» села и дать его в оппозиции городу» [Тхагазитов 1996: 132]. Можно сказать, что с точки зрения идеологических ожиданий времени изображенная ситуация очень выразительна. Она как довод в пользу того, что в новом, коммунистическом, обществе, где все равны, подобное случиться не может. Вероятно, в таком же духе могла быть воспринята и «Жизнь Мадины»: в обществе, которое предоставляет женщине право самой делать выбор, трагическая судьба Мадины повториться не может.

В абсолютном большинстве случаев авторы «Первого шага» обращены к конкретике современных преобразований, ведь выбор сюжетов подчинялся целям пропаганды нового. Явный перевес в сторону повествовательности, нескладная подражательная образность, редкие и невыразительные фольклорные аллюзии – «особенности», которыми отмечены популярные сюжеты сборника. Сегодня было бы странно критиковать его художественный уровень, тем более что в русле актуальных для своей эпохи представлений это уже было сделано Джансохом Налоевым. Важно лишь заметить, что в нынешнем прочтении эти бросающиеся в глаза несовершенства – отсутствие цельности образов, сумбурность построения стиха – становятся одним из элементов содержания «Первого шага», *преобразуются в средство передачи особенностей восприятия авторами явлений, о которых они ведут речь.*

То, что мы обобщенно называем строительством новой жизни, в большинстве случаев изображено как устройство колхозов. Это сюжет, как мы уже говорили, наиболее популярный. Его разрабатывают Талустан Шаков, Магомед Афаунов, Али Шогенцуков, Хамид Карданов, Мухаж Канукоев, то есть почти все представленные авторы. Мотивы, сквозные для данного сюжета – преданность партии, межнациональная и международная сплоченность

трудящихся, преимущества коллективного труда, опережающее осуществление плана пятилетки, прокладывание водных каналов, выявление враждебных элементов.

Немногим по степени развернутости уступают колхозному строительству два других сюжета – вступление в общественную жизнь женщины-горянки и борьба с религией и ее служителями. Причем последние упоминаются и в теме эмансипированной горянки, и «прорабатываются» отдельно («Курман» Х. Карданова, «Мулла негодный» М. Канукоева).

Помимо этого, значительное место занимает пропаганда школьного образования, детских садов, национальной письменности. Сюжетный центр ряда произведений определяют знаменательные события – съезды, праздники (Октябрь, Первомай, Восьмое марта), как некая временная точка, с которой открывается ретроспектива уже достигнутого.

Общие закономерности прослеживаются в поэтизации времени и пространства. Излюбленным временем изображения становится весна – пора многообещающего сева и символ новой жизни, праздник трудящихся. Как правило, весне противопоставлена зима, не только эмоционально (как в стихотворении А. Шогенцукова «Урожайная»), а в большей степени идеологически. Она ассоциирована с темным и жестоким прошлым народа («Несчастья империалистической...» А. Шогенцукова, «Первое мая» Т. Шакова).

При том, что большинство изображаемых событий и явлений наблюдается непосредственно в родном крае, для авторов важно осознание своей малой родины как части грандиозного строительства, отсюда расширение географических масштабов: «Россиешхуэ» (Великая Россия) у М. Пшунокова, «Дуней псом и Ыхьэ ханэр», «щЫ хьурейм и Ыхьэ ханэр» («Мира шестая часть», «шестая часть земного шара») у Т. Шакова и Х. Карданова. Этому миру противостоит враждебное пространство, именуемое «Европэжьыр» (Старая негодная Европа), «Европэжьуэ биильэр» (Европа, полная врагов) и т.п.

Героя, усилиями которого и во имя которого создается новый мир, разглядеть и охарактеризовать непросто. Для агитационно-пропагандистской поэзии индивидуализированный герой, личностное начало вообще мало характерны, и кабардинская поэзия придерживается этого принципа очень строго. Индивидуализацию субъекта можно отметить лишь в произведениях А. Шогенцукова.

Разумеется, в «Первом шаге» фигурируют имена политических лидеров эпохи – Ленин, Сталин, Бетал Калмыков, но здесь не столько образ конкретного человека, сколько имя как маркер абсолютной ценности развертываемого сюжета. Во всех же остальных случаях присутствие субъекта выражается обобщенно: карахалк (беднота), большевики, трудящиеся. Новые ценности, к которым устремлена эта поэзия, проецируются на некоего собирательного, массового героя. Общество превалирует над личностью. Главная сила нового общества – пролетарии и колхозники – может обозначать себя как в «Памяти Ленина» М. Пшунокова «мы рабочие, двое нас братьев» («дэ лэжьакІуэу дэ эшитІым»), или как в стихотворении «Несколько слов моих» М. Канукоева

«мы двое братьев из бедноты» («кърэхьэлъкъуэ дэ зэшитыр»), но в основном просто вести речь от обобщенного «мы».

Подчеркнутая множественность создает впечатление густонаселенности этого мира. Понятно, что «мы» в риторике обозначенного периода также подразумевает политическую надэтническую общность, к идеалу которой устремлен новый строй. «Концепция массового действия» (А.И. Мазаев), за очень редкими отступлениями, организует реальность, изображенную в «Первом шаге». «Мы» – апелляция к абсолютному и общечеловеческому в обход частного. Подобная множественность была востребована политической риторикой и легко перенималась поэтическим сознанием – она сразу переводила провозглашаемое во всеобщность, скрадывая тем самым возможные «шероховатости», неубедительность нового. Ведь «мы» – это то, чего придерживается абсолютное большинство, а потому достойно доверия.

Здесь же присутствует образ антагониста. В основании новой реальности заложена классовая борьба, поэтому «мы» воинственно в той же мере, сколь жизнерадостно. Собирательный образ классового врага, внешнего и внутреннего, возникает постоянно. Он склонен к вариациям. Возможно его прямое название (враги, кулаки, богачи, князья, дворяне, чужеродные), чаще – доведение до гротеска. Так, в «Памяти Ленина» М. Пшунокова упоминаются «беременные драконы Европы», в «1 мая» А. Шогенцукова – «старые драконы Запада». Часто мелькает внешняя характеристика врага – «толстобрюхий», «с брюхом саранчи». Особое внимание в перечне враждебных элементов отводится духовенству, что неудивительно, ведь именно его принято было считать главным подстрекателем антиколхозных выступлений.

Драконы, саранча, пауки, враги нартов... Мифологический антураж творимых классовым врагом притеснений способен причудливо переплетаться с каррикатурностью его внешнего облика: «А бэджьжхэр псэухункIэ / Дунейм икIэу дьтетащ» (Къардэн Хь.) [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 40] («Пока существовали эти старые пауки / В мире этом мы влачили ничтожное существование». – Пер. подстр. И.К.); «Блэщхъуэжь дзапэм дьнэщIэлът, / Лыуэ тщIэтыр тщIафыкIат, / ПкIауэжь ныбэу нарт биижьхэм / Дэ дыпхауэ даыгъат» (АфIэунэ М.) [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 19]. «В драконьей пасти находились мы, / Нас обескровили они, / С саранчовым брюхом закоренелые враги нартов / Держали связанными нас». – Пер. подстр. И.К.).

Устойчив мотив распознавания классового врага. В разработке этого мотива некоторые авторы «Первого шага» словно пытаются превзойти друг друга. Приведем ряд эпизодов.

Стихотворения «Серп и молот» (1929) и «Съезд стариков» (1933) Т. Шакова:

Тщымышц фIейуэ ди IуэхущIапIэм

КъыщIэхуари щIэддзыжащ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 8].

Грязь, чуждую нам, в наши учреждения
Проникшую, мы изгнали.
(Пер. подстр. И.К.)

Партыр пашэт,
Мызэшыжт,
Дэ нэ жанкІэ кытхэплъащ.
Тщымыш тхэтуэ кьальэгъуами,
Я гъэувыпІэр кыджиІащ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13.
Л. 14].

Партия вела нас,
Неустанно,
Зорко вглядываясь в наши ряды,
Если ж замечала постороннего,
Подсказывала нам, где его место.
(Пер. подстр. И.К.)

«Песнь героев» М. Афаунова:
Лыхъужь пашэуэ, лы шэрыуэу,
Большевикхэр хэкум кьокІ.
ПкІауэжь ныбэуэ бий кытхэкІхэр,
Хабзэм теткІэ зэхагъэкІ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13.
Л. 14].

Герои-вожаки, мужи, не знающие промаха,
Большевики в отчизне нашей объявляются.
С саранчовым брюхом врагов, среди нас обнаруженных,
По закону они карают.
(Пер. подстр. И.К.)

«Несколько слов моих» М. Канукоева:
Уэркыжь Іэджэр ІутпІащ
Щэхууэ лажьэр кьэнахэм
Я хуэмэбжымэр дгъэткІунщ [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13.
Л. 45].

Дворян негодных много мы уничтожили,
На подпольном положении оставшихся
(Их) признаки существования мы сотрем.
(Пер. подстр. И.К.)

Трудно сказать, насколько сильна была убежденность авторов «Первого шага» в тех ценностях, которые они пытались проповедовать, насколько они вдохновляли их самих, несомненно одно – *представленная в сборнике*

действительность с ее идеалами являлась не столько творческим отображением реально существующей, сколько попыткой поэтического оформления, оправдания воздвигаемой действительности.

Отзвук традиции

«Первый шаг» был заявлен как сборник стихов и песен [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 13. Л. 1а]. Можно сказать, что уже на уровне формы просматривается обоснованность ценностными представлениями новой эпохи. О том, что «хорошая, нужная» песня – особо востребованный жанр в деле строительства новой жизни на Северном Кавказе, в те годы упоминал П. Максимов, подкрепляя свои наблюдения словами одного ростовского рабочего: «Песня – такое же оружие в руках пролетариата, как и штык!» [Максимов 1933: 103]. Особое место песни и хоха (здравицы) ретроспективно подмечал и Х. Теунов. Он выделял их в контексте поэзии как ведущего жанра кабардинской литературы той поры: «Широкое распространение в первые годы советской власти, в период кипучей активности народных масс приобретают хох и песня. Они наиболее популярны, оперативны, и в период острой классовой борьбы, митингов и сборищ хох нередко заменял агитационную речь» [Теунов 1955: 106].

Во всем этом присутствует любопытный аспект: если политическая агитационная риторика в творчестве поэтов являлась тем новым, пришедшим извне канонем, что на рациональном уровне требовал бесспорного признания, то востребованность песни и хоха для воплощения этого канона скорее предопределялась произвольно, по инерции традиционного восприятия стихотворства народным сознанием адыгов. На начальном этапе кабардинской советской литературы эта инерция все еще ощутима. Как подчеркивал Аскербий Шортанов, «Для поэтов более старшего поколения было традицией сочинять мелодию к своим стихам. Так стихотворение становилось песней. Раньше, еще до революции, устное народное творчество адыгов не знало исполнения стихов без мелодического сопровождения. Стихотворение популяризировалось в песне благодаря мелодии. Так оно становилось достоянием народа. По такому же образцу создавались и произведения наших первых советских поэтов» [Первые... 1968: 26]. Как яркий пример – творчество Мачраила Пшунокова: «Все стихотворения Мачраила Пшунокова имели мелодии, сочиненные им же самим. Одно из них – «Памяти Ленина» [Первые... 1968: 26].

Иными словами, новое надстраивалось над тем, что было не просто хорошо знакомо и понятно широким массам, но имело претензию на аутентичность. Ведь для адыгов в тот период песня (уэрэд) – форма наиболее удобопонятная, ассоциированная с традицией фольклора, что должно предопределять ее авторитетность и вызывать доверие. Хотя разумеется, что по сути это уже была лишь имитация традиции. Таким образом, на обозначенном этапе *эстетическая ценность, ассоциированная с прежними идеалами, становится элементом формы, «обслуживающей» новое содержание.*

Стереотипы восприятия. Их истоки

По настоящее время это издание ускользает из поля зрения исследователей. И неудивительно. «Первый шаг» давно стал библиографической редкостью. Можно предположить, что «труднодоступным» он оказался уже через несколько лет после опубликования, когда подверглись репрессиям некоторые из представленных в нем поэтов. Так, Мачраил Пшуноков, чье стихотворение открывает стихотворную подборку, Магомед Афаунов – ответственный редактор, автор вступительной статьи и ряда стихотворений, Талустан Шаков – один из авторов и технический редактор сборника, были репрессированы в 1937. Несколькими годами позже по политическим мотивам вне писательской «обоймы» оказалось еще одно имя – Лостанби Афашагов [Кажарова 2018: 142–147].

Из современников о сборнике успел отозваться Джансох Налоев в статье «От мертвого к живому». Однако Налоев, о чем упомянуто выше, пал жертвой репрессий в 1937 году, и имя его, равно как и труды, долгое время замалчивалось.

Название сборника начинает звучать в «Очерках истории кабардинской литературы» (1965) и хрестоматии «Первые писатели Кабарды» (1968).

Вынужденные умолчания и сила их инерции ощущаются в первых трудах по истории кабардинской литературы, появление которых приходится на середину 1950-х. В них несложно заметить весьма ограниченное число «действующих лиц» поэзии раннесоветского периода и весьма быстрый переход к обстоятельному разговору о поэзии периода Великой Отечественной. Причем «пробелы», возникающие на раннесоветском отрезке, восполняются развернутой характеристикой творчества Али Шогенцукова – новатора и лидера кабардинской поэзии. И, что примечательно, оценивается он не в окружении поэтов своего поколения, а в «смешанных рядах», состоящих из старцев – мастеров народного стихотворства (Бекмурза Пачев, Амирхан Хавпачев, Пшемахо Кешоков и др.) и, условно говоря, поколения «последующих поэтов» (Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Бетал Куашев) [Теунов 1955: 115].

Подобная картина наблюдается в монографиях Хачима Теунова «Кабардинская литература и кабардинские писатели» (1955) и «Литература и писатели Кабарды» (1955). Но уже в 1959 году, на реабилитационной волне, в переработанном исследовании Теунова «Литература и писатели Кабарды» повествование о раннесоветской поэзии пополняется новыми именами. Появляются короткие характеристики творчества Туты Борукаева, Пшикана Шекихачева, Абдула Пшенокова, упоминаются Мачраил Пшуноков и Мухамед Афаунов. В конце 60-х они же войдут в «Очерки истории кабардинской литературы» (1965) и хрестоматию «Первые писатели Кабарды» (1968), где большая часть имен – из числа тех, кто попал в жернова репрессий. Помимо этого, появится ряд отдельных статей, в которых будут воссозданы события жизни и творчества некоторых из них. Но важно сказать, что уже в трудах

данного периода закрепляется некоторая обособленность этой плеяды писателей. Обособленность, обусловленная на этот раз недостаточной информацией о них, неполной представленностью или же недоступностью их творческого наследия.

Не умаляя важности всех связанных с историей культуры событий, обозначившихся сразу после реабилитации и развернувшихся в конце 60-х годов, заметим, что и они совершались избирательно, в строгом соответствии с идеологическими рамками своего времени, вне учета неоднозначности того культурно-исторического контекста, в котором формировалось литературное творчество раннесоветского периода.

Проблема идеала

Как мы уже сказали, представленная в сборнике действительность с ее идеалами являлась не столько творческим отображением реально существующего, сколько процессом оформления, оправдания нового мира. И дело не только в том, что зарождавшийся мир пока не имел отчетливых очертаний, – для идеала подобные условия типичны.

Если исходить из того, что «...идеал есть соответствие знания субъекту, ибо он дает нам картину мира не таким, какой он есть, а таким, каким он *должен быть согласно нашему желанию*» [Бранский 1999: 243], можно уловить явный диссонанс между присущим человеческой природе желанием преобразования действительности, неприятием ее несовершенств, и «желанием», предписанным сверху, культивируемым искусственно.

Все идеалы, что вкуче составляли идеал нового мира, пропагандировались как массовые, как высшая цель, к которой устремлено «мы», подразумевающее трудящийся народ. Но в строгом смысле народные массы не были творцами этого идеала.

Явления, которые в эти годы претендовали на то, чтобы составить ценностный ряд нового мира, были слишком неоднозначны, чтобы внушать к себе доверие. Поэтому 1920–30-е можно назвать временем целенаправленной «экспансии идеала» (В.П. Бранский) нового бытия, внедрения его в массы. Это период его настойчивой манифестации, главным образом через отвержение прошлого, в конкретном случае – тех традиционных ценностей, которые доминировали в адыгском обществе незадолго до того. Этот нюанс строительства новой жизни отмечает В.Г. Шнайдер: «В 30-е гг. формируется идея «социалистического отечества». Этот, казалось бы, надэтнический образ, во-первых, надэтническим был только внешне. В действительности он все более соотносился с русскими историческими и этнокультурными традициями. Во-вторых, этот образ вполне соответствовал задачам государства, стоявшего перед необходимостью создания политической нации» [Шнайдер 2007: 65]. Разумеется, сказанное не отрицает того, что стандарты (которым надлежало играть роль идеала) могли также восприниматься с предубеждением в той культурной среде, которая их транслировала, и в которой они насаждались первоначально. Но здесь, на периферии, их восприятие усложнялось тем, что

они исходили от чужой культуры, не похожей на адыгскую. И за короткое время это «чужое» надлежало сделать «своим».

Заключение

Всматриваясь в актуализированный эпохой «набор идеалов» сборника «Первый шаг», важно понимать: он более сложен и неоднозначен, чем кажется на первый взгляд, хотя бы потому что идеал первых десятилетий советского строя в большей мере насаждаемый, нежели постепенно формирующийся, в то время как природа идеала подразумевает восхождение на высшую ступень ценности. Пользуясь формулировкой И.Г. Сухины, «идеалы – это вершины иерархии ценностей, ее семантические приоритеты» [Сухина 2011: 131]. О спорном характере насильно насаждаемых ценностей говорить излишне, но, так или иначе, в обозначенный период они претворялись в жизнь и, можно сказать, распространялись на все уровни бытия общества. Далеко не всегда они были «источником положительных эмоций», которые, по идее, должны сопровождать ценность как один из ее атрибутов [Бранский 1999: 530].

Таким образом, в контексте бурных преобразований этого периода драматически сосуществуют две разные реальности, которые принято равно обозначать словом «идеал». В одной из них идеал – это результат сложного пути, пролегающего через уровни ценностной системы, в другой – некий заданный шаблон, не отягощенный предшествовавшей ему «ценностной историей», но, тем не менее, обязанный принять на себя все функции идеала. Понятно, что обозначение «идеал» во втором случае имеет определенную долю условности, но все же оно стало традицией, и ее оспаривание едва ли актуально.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Базиева 2010 – *Базиева Г.Д.* Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтничном пространстве России. – Нальчик: Издательство КБИГИ, 2010. – 296 с.

Бранский 1999 – *Бранский В.П.* Искусство и философия. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 704 с.

Власть... 2009 – *Власть* и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. – М.: МФД, 2009 – 872 с.

Дзуев 2012 – *Дзуев Г.К.* Без права на обжалование: Документальные очерки по материалам ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ, ФСБ 1920 – 1940 гг. – Нальчик: Эльбрус, 2012. – 192 с.

Ивницкий 2009 – *Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. – М.: Собрание, 2009. – 288 с.

История... 2010 – *История* адыгской (кабардино-черкесской) литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – 490 с. (на каб.-черк. яз.)

Кажарова 2018 – *Кажарова И.А.* Обретение письменности как сюжет духовной культуры адыгов и личность Л. Г. Афашагова // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 138–150. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-138-150>

Кармов 2019 – *Кармов А.Х.* К вопросу о сплошной коллективизации крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии // Вестник КБИГИ. – 2019. – № 3. – С. 59–71. – DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-59-71>

- Компаньон 2001 – *Компаньон А.* Демон теории. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. – 336 с.
- Кондрашин 2008 – *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. – М.: РОССПЭН, 2008. – 519 с.
- Максимов 1933 – *Максимов П.* Поэты Кабарды и Балкарии // На подъеме. – 1933. – Кн. 6–8. – С. 103–110.
- Нало 2005 – *Нало Жансэхъу.* Литературей щэиныр (Налоев Д. Литературное наследие. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 225 с. (на каб.-черк. и рус. яз.)
- Осколков 1991 – *Осколков Е.Н.* Голод 1932–1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 в Северо-Кавказком крае. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. – 96 с.
- Первые... 1968 – *Первые* писатели Кабарды / Сост. Е. Машитлова. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 377 с. (на каб.-черк. яз.)
- Справочник... 1930 – *Справочник* партийного работника. Вып. 7, ч. 1. – М.–Л.: Государственное издательство, 1930. – 599 с.
- Сухина 2011 – *Сухина И.Г.* Идеал и его место в культуре: аксиологический аспект проблемы роли и значения идеала в культуре // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 200. – С. 129–134.
- Текуева 2009 – *Текуева М.* «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917–1941 годы) // Социальная история. Ежегодник. 2008. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 303–326.
- Теунов 1955 – *Теунов Х.И.* Литература и писатели Кабарды. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1955. – 360 с.
- Тхагазитов 1996 – *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция художественного сознания адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 251 с.
- Хализев 2005 – *Хализев В.Е.* Ценностные ориентации русской классики. – М.: «Гнозис», 2005. – 432 с.
- Шнайдер – *Шнайдер В.Г.* Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – 416 с.
- ЩоджэңцЫкІу 2006 – *ЩоджэңцЫкІу* Алий (Шогенцуков А. Произведения). – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 2006. – 541 с. (на каб.-черк. яз.)

Архив ИГИ КБНЦ РАН – *Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.*

REFERENCES

- BAZIEVA G.D. *Khudozhestvennaya kul'tura Kabardino-Balkarii v polietnichnom prostranstve Rossii* [Artistic culture of Kabardino-Balkaria in the multiethnic space of Russia]. – Nalchik: Izdatel'stvo KBIGI, 2010. – 296 p. (In Russian)
- BRANSKY V.P. *Iskusstvo i filosofiya* [Art and philosophy]. – Kaliningrad: Yantarnyi skaz, 1999. – 704 p. (In Russian)
- DZUEV G.K. *Bez prava na obzhalovanie: Dokumental'nye ocherki po materialam ChK, GPU, NKVD, KGB, FSB 1920–1940 gg.* [Without the right to appeal: Documentary sketches based on the materials of the Cheka, GPU, NKVD, KGB, FSB 1920–1940]. – Nalchik: El'brus, 2012. – 192 p. (In Russian)
- Istoriya adygskoi (kabardino-cherkesskoi) literatury* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature]. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – 490 p. (In Kabardin-Circassian)
- IVNITSKY N.A. *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyi Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural* [Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, the North Caucasus, the Volga region, the Central Black Earth region, Western Siberia, the Urals]. – Moscow: Sobranie, 2009. – 288 p. (In Russian)

KARMOV A.Kh. *K voprosu o sploshnoi kollektivizatsii krest'yanskikh khozyaistv v Kabardino-Balkarii* [On the question of the complete collectivization of peasant farms in Kabardino-Balkaria]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2019. – No. 3. – P. 59–71. – DOI: <https://doi.org/10.31007/2306-5826-2019-3-42-59-71> (In Russian)

KAZHAROVA I.A. *Obretenie pis'mennosti kak syuzhet dukhovnoi kul'tury adygov i lichnost' L. G. Afashagova* [The acquisition of writing as a subject of the spiritual culture of the Circassians and the personality of L. G. Afashagov]. IN: *Nauchnyi dialog*. – 2018. – No. 7. – P. 138–150. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-7-138-150> (In Russian)

KHALIZEV V.E. *Tsennostnye orientatsii russkoi klassiki* [Value orientations of the Russian classics]. – Moscow: Gnozis, 2005. – 432 p. (In Russian)

KOMPAN'ON A. *Demon teorii* [Demon theory]. – Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 2001. – 336 p. (In Russian)

KONDRASHIN V.V. *Golod 1932–1933 gg.: tragediya rossiiskoi derevni* [The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian countryside]. – Moscow: ROSSPEN, 2008. – 519 p. (In Russian)

MAKSIMOV P. *Poety Kabardy i Balkarii* [Poets of Kabarda and Balkaria]. IN: *Na pod"eme*. – 1933. – Book 6–8. – P. 103–110. (In Russian)

NALO D. *Literaturei shchleinyr* [Literary heritage]. – Nalchik: El'-Fa, 2005. – 225 p. (In Kabardin-Circassian; In Russian)

OSKOLKOV E.N. *Golod 1932–1933. Khlebozagotovki i golod 1932–1933 v Severo-Kavkazkom krae* [Famine 1932–1933. Grain Procurement and Famine 1932–1933 in the North Caucasian Territory]. – Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1991. – 96 p. (In Russian)

Pervye pisateli Kabardy / Sost. E. Mashitlova [The first writers of Kabarda. Edited by E. Mashitlova]. – Nalchik: El'brus, 1968. – 377 p. (In Kabardin-Circassian)

SHNAIDER V.G. *Sovetskoe natsiestroitel'stvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950-kh gg.): zakonomernosti i protivorechiya* [Soviet nation-building in the North Caucasus (1917 – late 1950s): patterns and contradictions]. – Armavir: RITs AGPU, 2007. – 416 p. (In Russian)

SHOGENTSUK A. *Proizvedeniya* [Works]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 goda, 2006. – 541 p. (In Kabardin-Circassian)

Spravochnik partiinogo rabotnika [Reference book of the party worker]. Issue 7. Part 1. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. – 599 p. (In Russian)

SUKHINA I.G. *Ideal i ego mesto v kul'ture: aksiologicheskii aspekt problemy roli i znacheniya ideala v kul'ture* [The ideal and its place in culture: the axiological aspect of the problem of the role and meaning of the ideal in culture]. IN: *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. – 2011. – No. 200. – P. 129–134. (In Russian)

TEKUEVA M. «Reshenie» zhenskogo voprosa v Kabardino-Balkarii (1917–1941 gody) ["Solution" of the women's issue in Kabardino-Balkaria (1917–1941)]. IN: *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik*. 2008. – St. Petersburg: Aleteiya, 2009. – P. 303 – 326. (In Russian)

TEUNOV Kh.I. *Literatura i pisateli Kabardy* [Literature and Writers of Kabarda]. – Nalchik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. – 360 p. (In Russian)

TKHAGAZITOV YU.M. *Evolyutsiya khudozhestvennogo soznaniya adygov* [The evolution of the artistic consciousness of the Circassians]. – Nalchik: El'brus, 1996. – 251 p. (In Russian)

Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 [Power and artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP (b) – VKP (b), VChK – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953]. – Moscow: MFD, 2009. – 872 p. (In Russian)

Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy KabardinoBalkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Kabardin-Circassian)